

С лёгким звоном меч Чан Ли был отбит, и бесчисленные ци меча внезапно исчезли. Затем в точке, где коснулось остриё копья, что-то разлилось в пустоте, разрушив барьер.

В тот же момент Чжун Минчжу нарисовала последнюю линию и быстро втянула Чан Ли в магический круг, произнеся:

— Поднимайся!

Белый свет поднялся из круга, быстро окутав обеих, и они исчезли.

— Тьфу, эта тварь сбежала довольно быстро, — сказала женщина, глядя на следы крови на земле, и непринуждённо закатила глаза.

— Если бы ты не настаивала на проверке мастерства мечника, они бы не сбежали, — медленно вышел молодой человек, одетый как учёный. Он взмахнул рукавом, и все следы боя на улице исчезли.

— Я просто хотела посмотреть, на что способен ученик старого пса У, — недовольно бросила она ему взгляд.

— И что ты думаешь о её способностях? — Мужчина сохранял мягкое выражение лица, не обращая внимания на её отношение, и в его глазах всегда была лёгкая улыбка.

— Она не похожа на старого пса У, её намерение меча естественно, но не отточенное. Я подозреваю, что старый пёс У вообще её не учил.

— Естественное намерение меча? Значит, её будущее безгранично?

— Это зависит от её судьбы, — беззаботно улыбнулась женщина. — Но я думаю, что ей будет трудно. После того, как её ударили мечом, старый пёс У не успокоится, пока не отрубит ей обе руки.

— Жаль, — на мягком лице мужчины появилось лёгкое сожаление, и он тихо вздохнул.

Чан Ли всё же получила ранение, её сердце было повреждено последним ударом копья.

Место телепортации оказалось в долине на юго-западе горы Ян. Рядом была пещера, где можно было спрятаться. Чжун Минчжу сразу же отвела Чан Ли туда, установила барьер, чтобы закрыть вход, и, обернувшись, увидела, что рука Чан Ли была залита кровью.

— Учитель, ты в порядке? — Чжун Минчжу достала лекарство и дала ей принять, затем разложила духовные камни и создала магический круг для лечения, не забывая спросить:

— Мне нужно вернуться и найти дядю Сяо?

— Ничего серьёзного, немного отдохну, и всё будет в порядке, — Чан Ли стёрла кровь с руки, её дыхание было немного неровным, но в остальном она выглядела так же, как обычно, спокойной, будто кровь на её руке была просто водой, и она не была ранена.

Эта женщина, наверное, и перед смертью не изменит выражения лица, — Чжун Минчжу невольно подумала об этом и сжала шею от такого предположения.

Все говорили, что она не боится смерти, но на самом деле она просто была смелой, а когда дело касалось жизни и смерти, она знала, когда нужно уступить. Чан Ли же действительно не

боялась смерти, даже брови не шевелились.

— Кто это был, учитель, ты знаешь? — Она осторожно села рядом с Чан Ли, словно боясь, что та вдруг скажет, что всё в порядке, а затем внезапно умрёт. Она сжала её запястье, почувствовала устойчивый пульс и успокоилась.

Женщина в красном, возможно, искала их, а история с рассказчиком тоже осталась нерешённой. Чан Ли сейчас должна быть в порядке, чтобы она могла спокойно прятаться за её спиной.

— Это яо, её уровень не ниже, чем у двух наших дядей, — Чан Ли позволила ей держать своё запястье и, подумав, ответила.

В последний момент она почувствовала, как вокруг неё разлилась энергия яо.

— Так это яо, — задумчиво кивнула Чжун Минчжу и усмехнулась. — Значит, это действительно старый зверь, да ещё и бесстыдный старый зверь.

В книгах Хэту и Лошу записано, что богиня Нюйва создала всех существ из жёлтой земли, и поскольку люди были созданы по образу богов, они обладали врождённой духовной силой, и их культивация была проще. Все остальные существа, которые обрели духовную силу, превратились в яо.

— Это яо на уровне преобразования духа и выше, — поправила Чан Ли.

— Да, да, — Чжун Минчжу кивнула, слегка пожалев, что когда-то рассказала Чан Ли о правилах приличия. После этого каждый раз, когда она говорила что-то неподобающее, Чан Ли добросовестно её поправляла.

В прошлый раз она назвала тех учеников, которые её притесняли, «мерзавцами», а Чан Ли ответила:

— Они твои старшие братья и сёстры.

Это вывело её из себя.

Она согласилась на словах, но на самом деле не придала этому значения, подумав, что если она называет её маленьким зверем, то почему она не может назвать её старым зверем. Она сказала:

— Эта женщина, будучи на уровне преобразования духа, издевается над тем, кто на этапе изначального младенца. Назвать её бесстыдной — это не преувеличение.

— Она не использовала свою силу, чтобы подавить меня, — Чан Ли закрыла глаза, её голос был спокоен, но Чжун Минчжу уловила в нём слабый оттенок поражения, как когда-то у водопада Саньде.

Чжун Минчжу почесала нос, подумав, что этот старый монстр действительно так силен. Вдруг она вспомнила, что та, кажется, ни о ком не говорит хорошо.

Чан Ли — маленький дух, она — маленький зверь, Цяньмянь Янь — собачий вор, а её никогда не виденный Великий Учитель — старый пёс У.

Дойдя до последнего, она невольно усмехнулась. Чан Ли была молода, Цяньмянь Янь был

изгоем, которого не принимали ни добро, ни зло, а она сама не считала себя праведной, поэтому первые три прозвища не вызывали вопросов. Но У Хуэй, первый мечник в мире культивации из главной секты праведников, был назван так грубо, что это было смешно.

— Эта женщина, наверное, враждует с Великим Учителем, возможно, даже сильно пострадала от него.

Чжун Минчжу прищурилась, в её глазах мелькнул интерес. Она взглянула на бледное лицо Чан Ли и её слегка дрожащие ресницы, и её сердце дрогнуло. Она тихо спросила:

— Учитель, тебе больно?

Чан Ли открыла глаза. В её глазах, наполненных болью, появилась едва заметная нерешительность. Она посмотрела на Чжун Минчжу, её прямой взгляд, как всегда, искал что-то, но вскоре она отвела глаза, её брови слегка нахмурились, но это длилось лишь мгновение, и в следующий момент её лицо снова стало спокойным.

— Нет, — тихо ответила она, но её голос звучал неуверенно. Однако вскоре она вернулась к своему обычному безразличному тону:

— Мне нужно восстановить силы, это займёт от трёх до десяти дней. Ты подожди здесь.

— А? Поняла... — Чжун Минчжу моргнула, почесала нос, встала и прошла по пещере, а затем снова села. К этому времени Чан Ли уже начала восстанавливать силы. Её тело окутал лёгкий голубоватый свет, и когда Чжун Минчжу протянула руку, она почувствовала сопротивление на расстоянии около фута.

Это было тайное искусство Секты Тяньи — Заклинание Истинного Воина, Хранящего Исток. Оно укрепляло тело и могло лечить раны. За исключением повреждений души, любые раны, если не слишком серьёзные, можно было вылечить за тридцать шесть циклов. Ранение Чан Ли не было ни слишком тяжёлым, ни слишком лёгким. Её сердце было повреждено, и если бы это был обычный человек, он бы уже умер. Благодаря её высокому уровню, она восстановится за несколько дней.

Для культиватора на этапе изначального младенца, если душа не повреждена, даже разрушенное тело можно восстановить.

Чжун Минчжу скучала, сидя в пещере. Её взгляд бродил по стенам, а затем снова остановился на лице Чан Ли. По сравнению с их первой встречей оно, казалось, не изменилось — безразличное, спокойное, отстранённое. Но она всегда замечала что-то ещё — мимолётные изменения, которые происходили всё чаще, а в последнее время она всё чаще задумывалась.

Например, когда она увидела, как она смеётся на банкете, или когда она хвасталась золотом, или когда она рассказывала, почему хочет вернуть свои воспоминания.

Неизвестно, о чём она думала, но Чжун Минчжу становилось всё любопытнее, как будто её царапала кошка. Но каждый раз, когда она спрашивала, та либо отвечала «ничего», либо вообще ничего не говорила, и тогда она начинала злиться.

Она начала беспокоиться, что после того, как Чан Ли побродит по миру и узнает больше, она захочет изменить свой стиль и стать строгим учителем.

Одна мысль об этом заставляла её нервничать.

Это недопустимо, совершенно недопустимо!

Может быть, ей стоит вести себя скромнее, хотя бы перед учителем. Но что, если учитель решит, что это хорошо, и тогда она больше не сможет наслаждаться свободой? Так она думала всё больше и больше, не замечая, что её мысли уже ушли далеко, и даже вздохнула, выглядя так, будто её душа улетела в облака.

Если бы кто-то, не знающий её, увидел эту сцену, он бы, наверное, подумал, что печаль красавицы похожа на вечерний туман над горами, едва уловимый и неясный. А те, кто знал её, скорее всего, просто закатили бы глаза и сказали: «Снова её чудачества».

В конце концов, после того как она в десятый раз встала, прошлась и снова села, она поняла, что её беспокойство было вызвано не воображаемыми изменениями Чан Ли, а просто скукой.

Пещера была слишком маленькой, вокруг не было ничего, чем можно было бы развлечься, а Чан Ли восстанавливала силы и не могла с ней разговаривать.

<http://bllate.org/book/16292/1468434>